

Неделю назад Полина сообщила матери, что купила билет на самолёт и прилетает из Москвы в родной город на Новый год и рождественские каникулы.

Татьяна Олеговна всю предновогоднюю неделю тревожилась, часто звонила и нервно требовала ответа на вопрос: «Полина, когда ты уже, наконец, приедешь?»

Едва молодая женщина ступила на шаткий трап «Боинга», как в её сумочке опять заверещал телефон. Нервно роясь в вещах, Полина приотстала от других пассажиров. Нащупав, наконец, телефон на самом дне сумки, она увидела, что и этот звонок – так некстати! – от матери.

– Мама, что ты хотела? – нетерпеливо спросила Полина.

– Доча, как только самолёт приземлится, сразу нам с отцом позвони, слышишь? – с тревогой в голосе сказала мать в телефонную трубку.

– Хорошо, мама, позвоню обязательно! – пообещала Полина. – До встречи!

И она сама, словно заразившись материнским беспокойством, подумала о родителях, которые без неё, она знала, уже пару лет живут среди огромной ссоры.

Замешкавшись с телефоном, она поднялась на борт самолёта самой последней.

Через три с половиной часа, когда на улицах стало смеркаться, Полина подъехала на такси к старенькой кирпичной пятиэтажке с обшарпанными железными дверями подъездов. С волнением нажала на кнопку одного из домофонов с номером родительской квартиры. По ту сторону домофона в динамике послышалось лёгкое сбивчивое дыхание, по которому Полина угадала волнение матери и её желание поскорее открыть ей дверь.

Ещё несколько минут, и ноги сами подняли её на второй этаж по знакомым, щербатым бетонным ступеням, а худенькая мама, распахнув дверь квартиры, кинулась ей навстречу со словами:

– Ну, наконец-то!

Улыбнувшись дочери в дверях, мать схватилась за дорожную сумку, желая её поднять и занести в квартиру.

– Не трогай, тяжёлая! – вскрикнула Полина, вырвав из материнских рук свою поклажу.

– Весь год тебя жду! Думала, умру без тебя! – произнесла Татьяна Олеговна тихим дрожащим голосом, отходя от дочери вглубь коридора.

На мгновение от материнских слов у Полины защемило в груди, а к горлу подступил комок слёз. Но она сдержалась и не заплакала. Лишь перетащив, наконец, свою тяжёлую сумку через порог квартиры, по-быстрому размотав с себя ажурный вязаный шарфик и скинув короткую норковую шубку, она потянулась к матери замёрзшими на улице руками, чтобы на секундочку прижать её, такую маленькую и слабую, к себе.

Рядом с высокой, под два метра, Полиной – дочь пошла ростом в отца – мать казалась настоящей Дюймовочкой.

– Ну, как вы тут без меня? – выдохнула заботливо Полина и заглянула с надеждой в лицо матери. – Помирились?

– Да мы и не ссорились! – махнула мать рукой и подошла к закрытой в дальнюю комнату двушки двери. Постучала в неё кулачком:

– Эй, отец, выходи! Ты что, не слышишь что ли, Полина приехала!

На её стук дверь тотчас открылась, и в коридор, прихрамывая на правую ногу, вышел отец Полины. Увидев дочь, он сразу подтянулся, расправил сутулые плечи. В его печальных глазах заискрились искорки радости.

– Ну, здравствуй, дочка! – произнёс он приветливо. – Как долетела?

– Отлично, папа! – ответила Полина, нежно притронувшись к отцовскому плечу.

Оглядевшись посреди коридора, она увидела длинную, светлую полосу от содранной на полу краски. Полоса тянулась вдоль всего коридора, словно незаживающий шрам, и указывала на то, что недавно здесь что-то таскали.

«Опять что-то делили!» – отметила про себя Полина с горечью.

Она прошла вдоль коридора. Заглянула сначала в материнскую комнату (в ней царили чистота и порядок), потом – в отцовскую. Хотела войти, но поселившийся там бардак остановил её прямо на пороге. Полину поразили усилившийся за год контраст материнского и отцовского быта.

Если в материнской комнате вдоль стены стояла заправленная ярким покрывалом кровать, появились новые холодильник и телевизор, то в комнате отца вся старая мебель была сдвинута в угол, шторы на окнах наполовину оборваны

с крючков, разложенный книжкой диван не убран после ночного сна, а полочка над телевизором, на которую отец когда-то с гордостью расставлял свои спортивные кубки, сиротливо болталась на одном гвозде. Сами же спортивные награды были свалены на подоконник и пылились там среди другого хлама. «Совсем ты сдался, папа!» – подумала Полина с грустью. Но вслух произнесла:

– Да у вас и ёлка ещё не поставлена?

– Был бы мужик в доме – поставили бы! – резко ответила мать и потянула Полину за рукав шёлковой кофточки в кухню, где приехавшую в родной дом дорогую гостью ожидал накрытый разными блюдами небольшой кухонный стол.

– Дай хоть умыться, мама, и дух с дороги перевести! – попросила Полина и пошла в ванную.

– Видишь теперь, как мы живём? – спросила мать, с каким-то ехидным торжеством указывая в сторону отца, когда Полина села за стол. – Сначала делили холодильник, таскали его туда-сюда, потом – наш старенький телевизор. В итоге мне пришлось покупать и то, и другое. А сейчас твой отец такой бардак у себя развёл!

– Не твоя комната, вот и не лезь! – грубо отозвался из коридора отец. – Лучше смотри за своими тварями, они опять мне в унты нагадили!

– Да где? Где? – вскрикнула мать и побежала в коридор звать двух своих любимых, почти одинаковых серых кошек: «Кис-кис!».

Ни в чём не повинные кошки тихо мяукнули из её комнаты из-под кровати.

Теперь настал черёд Полины оказаться в центре материнского внимания, и, оглядев дочь печальным взглядом, мать громко заохала:

– Как же ты похудела за этот год! Давай, я тебя покормлю! И она стала накладывать дочери из разных тарелок то мясной

салат, то кусочек жареной курицы, то ложку холодца. Полина, недолго покопавшись в тарелке с едой, тут же её отставила в сторону. После всего увиденного и услышанного у неё пропал аппетит.

– Мама, ты же знаешь, я много не ем! Не хочу потолстеть!
– сказала она с виноватой улыбкой.

На отказ «покушать, как следует» мать театрально закатила глаза, заломила руки и срывающимся на крик голосом возвестила, словно со сцены:

– Моя дочь решила меня добить! У неё точно – анорексия!
– А вот Стасик мне запрещает есть, говорит, что я и так толстая! – продолжила Полина, понимая, что мать сейчас снова взорвётся.

Татьяна Олеговна, стоя напротив сидящей за столом дочери, привычно завопила:

– Да ты тощая, как скелет! А твой Стасик – альфонс и деспот! – на глазах выступили настоящие слёзы.

Полина ничего не ответила. Она знала, что мать – несостоявшаяся актриса. И к её театральности давно привыкла.

Татьяна Олеговна действительно родилась и выросла в артистической семье провинциальных актёров и тоже хотела пойти по стопам родителей. Но в какой-то момент её, эксцентричную и темпераментную, от актёрской стези отговорили коллеги родителей. «С таким маленьким ростом, – предрекали они, – ты всю жизнь будешь играть травести!».

Вот Татьяна и отказалась от мечты, реализуя теперь свой артистизм в семейных отношениях. Правда, ей удалось сделать небольшую карьеру в гостиничном бизнесе: от обычной горничной она доросла до должности младшего администратора в гостинице, где размещали всех гастролирующих артистов. Так она и прожила всю жизнь, греясь в лучах чужой славы. Но желание самой находиться в центре внимания с годами в ней не убавилось, а лишь возросло.

«Моя судьба могла бы сложиться по-другому», – частенько говорила мать Полине, тяжело вздыхая. И Полина сделала вывод о том, что все свои мечты нужно осуществлять.

Как только Татьяна Олеговна со слезами скрылась в своей комнате, на кухню пришёл отец. Сел рядом с дочерью за стол на табуретку.

– Мать права! – сказал он, как ни в чём не бывало. – Зачем тебе этот Стасик? Он вынудил тебя взять ипотеку в Москве, а ведь у него есть трёхкомнатная квартира.

– Он не заставлял. Это было моё решение. И квартиры у Стасика нет, а есть только половина квартиры. Его мать не хочет, чтобы мы жили вместе! – ответила Полина с горечью, вставая из-за стола.

– Зря ты бросила Виктора, – опять настойчиво произнёс отец. – Парень был очень хороший, тебя любил, жениться хотел, и его родители приняли тебя как родную. Зачем ты сбежала в Москву? От этого Борьки?

– Виктор был тряпка, – заявила Полина жёстко, выходя за своей сумочкой в коридор. – Прощал мне измены. И вообще, он мешки на заводе делал, что за убожество! Зачем мне такой бесперспективный и слабохарактерный муж?!

Игорь Петрович, бывший спортсмен, мастер спорта по самбо, а теперь охранник на пенсии, от таких слов дочери побелел.

– А когда ты за Борькой бегала, пока он тебя не избил, это – не слабохарактерность? – возмутился он, разговаривая с дочерью у входной двери в квартиру. Полина пыталась открыть замок, чтобы выйти в подъезд покурить.

– Борис напился, вот в драку и полез! – ответила Полина нехотя, желая скрыться в подъезде и вспоминая период в своей жизни, когда ей хватало сил крутить романы сразу с двумя ухажёрами.

– Он и на меня, старика, руку поднял, когда я пытался тебя защитить! Я помню этот скандал, мне до сих пор стыдно! – твердил ей вслед отец.

– Папа, давай не будем об этом, – попросила Полина, поморщившись. – Матери не говори, что курю, – попросила она тихим голосом. И пошла по ступенькам подъездной лестницы на площадку повыше.

Успокоившись в своей комнате, Татьяна Олеговна вернулась в кухню.

Пока её не было, Полина успела покурить в подъезде и вернуться на кухню.

– Не хочешь есть, и не надо! – заявила мать в своей театральной манере. – Опять накурилась? – спросила она с упрёком, учуяв запах табачного дыма. Полина ей ничего не ответила.

– Хочешь гробить своё здоровье? – не унималась мать. – Делай, что хочешь! Слова больше тебе не скажу!

Но не выдержала и через секунду снова спросила:

– Что ты думаешь целую неделю делать? Опять по кафе с друзьями бродить? А мать тебя опять не увидит? – и она прикрыла рукой глаза, полные слёз. – Для кого я всё это готовила?

Полина, действительно, обычно приезжала в родной город вроде как к родителям, но старалась подальше от них убежать в новогодние дни. Здесь у неё было много бывших коллег и подруг, которых она по приезду всегда навещала.

Дружеские встречи, как правило, заканчивались весёлыми попойками, длившимися до утра.

– Она точно сопьётся! – сетовала в таких случаях Татьяна Олеговна мужу, который в тревожные ночи, несмотря на привычные разногласия с женой, старался её поддержать. – И в кого она уродилась такая?! Хоть бы замуж скорее кто её взял! Да она и не выйдет, за кого выходить-то! Вокруг одни

пьющие, гуляющие, или альфонсы. Так и будет болтаться! Уж хоть бы скорее мне умереть!

– Завтра с утра поедем с папой за ёлкой! – не обращая на материнские слёзы внимания, сказала Полина.

Выйдя из кухни в коридор, она раскрыла свою дорожную сумку. Покопавшись в ней недолго, вынула из неё два свёртка.

Подозвала к себе родителей:

– Мама, – это тебе подарок, а это, папа, – тебе! – протянула она маленький свёрток матери, а большой – отцу.

– Ой, что это? – снова разволновавшись, спросила Татьяна Олеговна.

– Ну, посмотри, – ответила дочь. – Шарфик шифоновый тебе купила, самый модный в Москве.

– Ну, зачем? – запротестовала мать. – Куда мне его надевать? Только на рынок хожу за продуктами, а больше и некуда!

– Хоть на рынок, хоть – в театр, мама!

– Какой театр! – замахала руками мать. Но по её лицу было заметно, что она тронута вниманием дочери.

Отец сам развернул протянутый ему свёрток. И обнаружил в нём новый зелёный вязаный свитер с белыми оленями.

– Вот это да! – протянул он с изумлением. – Давно о таком мечтал, угадала ты, дочь!

– Носите на здоровье! – сказала Полина, потягиваясь. – Устала я что-то с дороги, пойду, отдохну.

Мать тут же подскочила к мужу, выхватила у него подарок и заверещала:

– Куда ты в нём ходить-то будешь? Свой клуб сторожить что ли, или, может, с кем на свидание?

– Отдай, – сердито буркнул Игорь Петрович. – Завтра же на дежурство надену. Пусть мужики посмотрят, какой мне подарок дочь из Москвы привезла! – и забрал у бывшей жены свитер.

– Мама, где мне лучше прилечь? – спросила Полина, не обращая внимания на перебранку родителей. – В твоей комнате или у папы?

– Где хочешь, дочка, там и ложись! – отозвался отец, аккуратно складывая обновку в целлофановый пакет, принесённый им из своей комнаты. – Сейчас кресло разложим!

– Ещё чего! – резко вмешалась в их разговор Татьяна Олеговна. – Я ей у себя постелила! У меня кровать двуспальная. – И она увела Полину под локоток в свою комнату.

Ночью Полине приснился сон: сидит молодая мама на кровати посреди своей комнаты и тихо плачет. Подрагивают от слёз мамины острые, худые плечи. Глаза у неё покраснели от слёз. И говорит она маленькой Поле, притихшей рядом, что отец их вернётся к ним, непременно вернётся. Не совсем поняла во сне маленькая Полина, откуда вернётся отец, подумала, как обычно, со спортивных сборов или с соревнований. Но слишком горько плакала мама. И стало ясно Полине, что плачет она не от радости, а от горя.

Резко очнувшись от сна рано утром, Полина припомнила тревожный сон, и в памяти всплыл эпизод из детства (ей было тогда лет двенадцать), когда мать, действительно, ей говорила, что папа ушёл от них к чужой женщине.

Сколько именно времени они с матерью ждали тогда отца, Полина не помнила. Помнила лишь его слова, когда он, виноватый, появился на пороге. «Она – плохая мать! – сказал тогда отец про ту женщину. – Совсем не заботится о своём маленьком сыне, только – обо мне! А я – дочку люблю, потому и вернулся!».

А на кухне ранним утром уже гремели родительские баталии.

– Когда ты успел сжечь мой единственный электрический чайник?! Он теперь не работает! – кричала отчаянно мать, как будто это был последний чайник на свете.

– Тогда же, когда ты прихватила мою кастрюлю под борщ! Мне не в чем сварить! – так же громко и так же отчаянно огрызнулся отец.

– Когда вы уже, наконец, разведётесь! – с такими словами Полина выбежала из материнской комнаты, едва успев накинуть халатик. – Это невыносимо!

– Если мы разведёмся, – тут же нашлась, что ответить мать, – то тебе не достанется наша квартира! Лучшее, на что мы сможем рассчитывать при разводе – это две отдельные комнаты где-нибудь в коммуналке!

– Мне не нужна ваша квартира, – выпалила Полина. – У меня ипотека в Москве, сколько раз повторять, я сюда никогда не вернусь! Разводите спокойно! – и она вернулась в материнскую комнату переодеться.

– Куда это ты собралась? – зашла за ней следом в комнату мать.

– Едем с отцом за ёлкой! – решительно сказала Полина, застёгивая на ходу юбку. – Папа, ты готов?

– Надо мотор в машине разогреть, – ответил Игорь Петрович. – Придётся часок подождать, дочка!

– Вот и отлично! – подхватила мать. – А ты пока покушай, как следует. А то вчера голодная спать легла.

В эту минуту в сумочке Полины, оставленной на вешалке в прихожей, зазвонил сотовый телефон. И она кинулась за ним.

После недолгого разговора по телефону, она вошла в кухню к матери с довольным видом. Игорь Петрович, побряхтывая, уже одевался в своей комнате, чтобы выйти на улицу.

– Завтракать не буду, – заявила Полина, видя, что мать накрывает на стол. – Только кофе попью. Стасик звонил, поздравил с Новым годом! – и Полина потянулась в кухонный шкафчик за кофейной чашкой.

А мать, не зная уже, что возразить, устало опустилась на табуретку возле стола.

Новогоднюю ёлку Полина с отцом выбрали небольшую, но пушистую. Несмотря на свою хромоту, Игорь Петрович вместе с Полиной занёс новогоднюю красавицу в лифт и, поднявшись на второй этаж, в свою квартиру.

Мать, встретив их у раскрытой двери, с любопытством спросила:

– И куда ставить будете? В отцовской комнате места нет, у меня – тоже не развернуться.

– А мы её на потолок в кухне подвесим! – весело объявила Полина.

– Правильно! – подмигнул ей отец, ничуть не смутившись шуткой дочери. – Новый год для того и существует, чтобы всё с ног на голову поставить!

– Заговорщики! – взвизгнула мать и начала загонять разбежавшихся по коридору кошек в свою комнату.

Шутка Полины про ёлку на потолке оказалась не шуткой. Отец, действительно, заразился этой идеей, но из-за больной ноги, которая не давала ему возможности присесть на колени, не смог самостоятельно смастерить крестовину из досок, давно лежащих под ванной. Поэтому Полина нашла мастера в интернете.

Через час, пока Татьяна Олеговна возражала и хваталась за голову, к ним приехал кругленький, крепенький розовощёкий мужичок и живо взялся исполнять требование клиентов.

Примерно через полчаса ёлка тяжело повисла на потолке в кухне неподалеку от люстры. Её колючие ветви слегка опустились вниз и торчали в разные стороны. Полина, словно ребёнок, радостно захлопала в ладоши: «Теперь можно и наряжать!».

Татьяна Олеговна, не принимавшая участия в таком, на её взгляд, безобразии, со страхом заглянула на кухню из коридора:

– А вдруг она упадёт нам на голову?

– Не упадёт! – заверил всех мастер, потирая руки. – Я крепко подвесил!

– Мама, а где чемодан с игрушками? Под кроватью? – весело спросила Полина.

Мать кивнула.

Полина поспешила в её комнату. Достала из-под материнской кровати старый, запылившийся чемодан с железными коваными углами, с замиранием сердца открыла его. Разноцветные стеклянные шары и сосульки загадочно сверкнули из-под слоя мишуры.

Когда ёлка совместными усилиями была наряжена, Полина вдруг заявила:

– Мама! Папа! В Новом году я перевезу вас в Москву! Поближе к себе!

И опять начался скандал.

– Какая Москва! – закричала истерично мать. – Я никуда не поеду, мне и здесь хорошо! И куда, куда ты нас заберёшь, в свою московскую однушку что ли?

– Ты же хотела когда-то уехать в Москву, – удивилась Полина на выкрики матери. – Замуж за москвича собиралась!

– Всё это в прошлом, Полина, – ответила мать с недовольством. – А теперь не хочу, стара уже стала для перемен, как ты этого не понимаешь?

– А я бы поехал! – задумчиво произнёс отец.

– Да помолчи ты уже! Он бы поехал! А на что ты там жить-то будешь? Здесь у тебя на пенсии есть работа. Взяли тебя, дурака старого, по знакомству в охрану с больными ногами, так уже и заважничал! Какой из тебя охранник? Кто в Москве тебе работу из жалости даст?

– Все вопросы можно решить, – не уступал жене Игорь Петрович. – Было бы желание! Ты, дочка, это, давай, там устраивайся и меня к себе забирай!

– Авантюристы! – опять завопила мать в очередном припадке истерики.

– Ну, всё! – вскочила Полина. – Еду к подругам! В кафе посидим, выпьем, повеселимся. Здесь веселья, я вижу, не получится.

– Я тебя отвезу, дочка! – ответил отец. А Татьяна Олеговна громко и демонстративно заплакала.

В дороге отец снова попытался высказать Полине своё недовольство тем, что она, бросив дома устроенную жизнь, рванула в Москву.

– У тебя здесь всё было, Полина! – ворчал он, сидя за рулём. – И в местных газетах ты хорошо зарабатывала: ездила на работу и с работы на такси, а там толкаешься в метро. Здесь ты была известный городской журналист, а там – пишешь про лес в какой-то забегаловке. Ни зарплаты нормальной, ни статуса! И вообще, послушала бы меня в своё время, пошла бы учиться в Школу милиции, сейчас бы уже к своим тридцати пяти была бы полковником! Эх, дочь, дочь! – вздыхал отец с чувством разочарованности.

Полина не желала оправдываться и потому всю дорогу отмалчивалась.

Новый год она встретила с подругами в одном из городских кафе, куда её привёз отец. Она всегда любила подобные посиделки, которые отвлекали от неуютной действительности. А когда под утро она вернулась домой, то увидела идиллическую картину семейной жизни: мать заботливо провожала отца на работу.

– Игорь, ты взял с собой бутерброды? – спрашивала она, стоя в одной ночной рубашке возле его сутулой фигуры в тёмном пуховике. – А шарф хорошо завязал?

На Полину никто из них не обратил внимания.

Торопливо раздевшись в прихожей, она кинулась в ванную под горячий душ.

Подвешенная на потолок ёлка на кухне заманчиво сверкала игрушками; от слабого ветерка, бродящего по квартире, на ней шевелились серебряные дождинки, а Полине хотелось плакать навзрыд, как матери-актрисе.

Проводив мужа, Татьяна Олеговна, молча, легла в своей комнате на кровать. Полина подвинула к кровати стул и села напротив матери. Она не сразу решилась с ней заговорить.

– Мама, скажи, ты до сих пор не простила отца? – наконец задала она свой вопрос.

– За что я должна его прощать? – искренне удивилась та.

– Вам обоим уже за семьдесят, а ты всё сердишься на него за тот случай, – задумчиво произнесла Полина.

Мать поднялась на локте на подушке и пристально взглянула на дочь:

– О чём ты?

– О том случае, когда он ушёл к другой женщине, – отважилась произнести Полина. – Ты простила его? Или ты всю жизнь сожалеешь о том артисте, с которым у тебя не сложилось?

Мать ничего не ответила. Весь вид говорил о том, что она не понимает, о чём её спрашивают.

Она встала с кровати. Подошла к окну, отёрнула занавеску. Потом повернулась лицом к Полине.

– Дочка, что было, то было! Ты лучше помоги отцу, ему нужна операция на ноге, сустав у него стёрся в колене, деньги нужны большие, у нас нет, и не будет, а он не хочет ни у кого

попросить. Живёт на обезболивающих. Но это ведь временно. Настанет день, когда он не сможет подняться с кровати.

– А сколько нужно денег на операцию, мама? – забеспокоилась Полина.

Мать назвала ей сумму.

– У меня нет даже и половины, – ответила Полина с сожалением.

– Я знаю, я не об этом! Уговори отца написать письмо в Спортивный комитет. Всё-таки он – мастер спорта, столько побед принёс нашей сборной. Должны же они помнить о своих ветеранах! Он ни за что не хочет туда обратиться, говорит, неудобно.

* * *

Усаживаясь в очередной раз в кресло в самолёте, Полина тоскливо смотрела в иллюминатор, наблюдая, как взлётная полоса уходит из-под шасси... В её душе шевелилось отчаянье.

Несмотря на то, что письмо в Спортивный комитет после долгих уговоров было подписано отцом и отправлено Полиной по почте, родители по-прежнему с трудом выносили друг друга. Сцена с заботливым провожением матерью отца на работу, как выяснилось, абсолютно ничего не меняла. И поэтому, как всегда, не только новогоднюю ночь, но и последние дни рождественских каникул Полина провела в весёлой компании всё тех же бывших коллег и приятельниц.

«Так они и будут пить друг у друга кровь!» – рассуждала она сквозь дорожную дрему, то и дело обращаясь мыслями к взаимной родительской нетерпимости. Она так спешила поскорее убежать из родного дома, что даже не помогла родителям снять с потолка новогоднюю ёлку перед своим отъездом, а с неё уже осыпались иголки, и матери приходилось их подметать.

Самолёт трянуло на вираже, и Полина зажмурилась от охватившего все её существа чувства потерянности.

Она до сих пор испытывала физическую боль от регулярных материнских пророчеств о том, что ей, Полине, не стоит и пытаться заводить детей. Несмотря на свою фанатичную любовь к дочери, Татьяна Олеговна не представляла её в роли матери и хозяйки. И своего мнения не скрывала. «Хорошей матери из тебя никогда не получится! – утверждала она. – Всем станет от этого только хуже!».

Полина легко сходилась с мужчинами, и поклонников у неё всегда было хоть отбавляй, но они уходили от неё так же быстро, как и появлялись. Потому и держалась она сейчас за Стасика в надежде, что взятая в ипотеку квартира спасёт их отношения. А Стасик лишь эксплуатировал её чувства в своих интересах.

Приятельницам же она врала про свою успешную московскую жизнь.

Врала, что сама отказалась от работы в «Комсомолке», для которой она якобы проводила журналистское расследование (в газету её просто-напросто не взяли из-за отсутствия опыта в федеральных СМИ). Врала, что Стасик все расходы по ипотеке записал на себя, врала, что он сделал ей предложение, но она сама пока не торопится замуж. Врала также упорно, как её мать делала вид, что простила отца и не жалеет о том, чего не случилось.

И это враньё тяжёлой глыбой лежало у неё на сердце.

Полина зажмурила глаза, чтобы на виду у всех не расплакаться.

Она не знала, что ей делать дальше. Как быть?

Когда самолёт, наконец, приземлился и Полина сошла по трапу на землю, растеряв по дороге перчатки и подбирая их с чувством неловкости перед окружающими, стрелка её душев-

ного маятника метнулась в сторону мысли: никогда больше не посещать родной город, не рвать себе душу напрасными переживаниями.

Очередной звонок матери застал её врасплох. Она снова полезла в сумочку за надоедливым телефоном.

– Как ты долетела, дочка? – спросил ласковый материнский голос.

Полина ответила не сразу. Мысли в голове перепутались. Они, словно воздушные акробаты, сделали в уме кувырок и вернулись в исходную точку.

– Всё хорошо, мама, – ответила Полина устало. – Долетела.

– Стасик тебя встречает? – задала очередной вопрос мать.

– Да к чёрту Стасика, – ответила Полина резко. И отключила телефон.

Она вдруг поняла, что во всех своих жизненных неурядицах виновата она сама. «Надо меньше врать, – сказала она самой себе, стоя в очереди за получением багажа. – Пора начать новую жизнь, без вранья и притворства».

